

Недовольный своимъ посломъ въ Петербургъ—Коленкуръ, котораго Наполеонъ считалъ черезчуръ „русскимъ“, онъ замѣнилъ его графомъ Лористонъ. Александръ, при прощаніи съ Коленкуръ, сказалъ ему, „что не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и не перейдетъ Нѣмана, но что русскій народъ, въ случаѣ нападенія, сумѣетъ за себя постоять“.

Вооруженія Наполеона, въ августѣ 1811 г., настолько подвинулись впередъ, что во время торжественнаго приѣма въ Тюльерійскомъ дворцѣ Наполеонъ разыгралъ съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ—княземъ Куракинымъ, котораго обвинялъ въ свою очередь, что онъ слишкомъ „французъ“, слѣдующую сцену: Наполеонъ сказалъ, что, судя по тому, что въ Россіи творится, можно думать, тамъ или потеряли головы, или таятъ заднія мысли. „Въ первомъ случаѣ,—прибавилъ онъ:—вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжить“.

Но Наполеонъ сильно ошибался: тотъ, кого онъ уподоблялъ растерявшемуся, раненому зайцу, отлично зналъ, чего онъ хотѣлъ и куда стремился, нисколько не отрицая опасности, ожидавшей его при слѣдованіи по избранному имъ пути. „Je joue gros jeu,—сказалъ Александръ:—я играю въ большую игру“, вполнѣ сознавая, что для успѣха замышляемой борьбы необходимо было заставить Наполеона вступить на русскую территорію. Только этимъ путемъ можно было, по мнѣнію Александра, увлечь за собою народъ, долѣе ста лѣтъ не выдавшій непріятеля въ своихъ предѣлахъ. Затѣмъ Наполеонъ тогда же сказалъ Куракину: „Я не настолько глупъ, чтобы думать, будто васъ такъ занимаетъ Ольденбургъ. Я вижу ясно, что дѣло тутъ въ Польшѣ. Вы приписываете мнѣ различные проекты въ пользу Польши; я начинаю вѣрить, что вы сами собираетесь завладѣть ею... Даже если бы ваши войска стояли лагеремъ на высотахъ Монмартра, я не уступлю ни пяди Варшавской территоріи“.

Лористона принялъ Александръ хорошо и снова подтвердилъ свое желаніе поддержать миръ и даже союзъ. Государь изъявилъ готовность выполнить условія Тильзитскаго договора, допустивъ существованіе великаго герцогства Варшавскаго, лишь бы это не было началомъ возстановленія Польши, а также Александръ готовъ былъ соблюдать континентальную блокаду, при условіи дозволенія ему вести торговые сношенія съ американцами и другими нейтральными государствами. Въ этомъ пунктѣ Государь былъ непреклоненъ. „Я скорѣе готовъ вынести десятилѣтнюю войну, удалиться въ Сибирь, чѣмъ принять для Россіи условія, въ какихъ находятся сейчасъ Австрія и Пруссія“ (февраль 1812 г.). А нѣсколько дней спустя Наполеонъ замѣтилъ Чернышеву: „Это дурная шутка—думать, будто есть американскія суда... всѣ они англійскія!“ И указалъ ему на сосредоточеніе своихъ войскъ на Одерѣ и на свои аванпосты на Вислѣ, при чемъ прибавилъ: „Такая война изъ-за дамскихъ грѣшковъ!“ Отвѣтомъ Александра явился ультиматумъ, заготовленный еще въ октябрѣ 1811 г.; Куракину было поручено вручить его 27 апрѣля 1812 г. Русскій Монархъ требовалъ оставленія шведской Помераніи и ликвидаціи французскихъ затрудненій со Швеціей; оставленія прусскихъ владѣній; сокращенія данцигскаго гарнизона и разрѣшенія торговли съ нейтральными государствами. Въ случаѣ принятія Франціей этихъ предварительныхъ условій, Александръ изъявлялъ готовность вести переговоры о вознагражденіи за Ольденбургъ и объ измѣненіи русскихъ тарифовъ, примѣняемыхъ къ французскимъ товарамъ. Но, незадолго до этого въ Парижѣ, въ квартирѣ Чернышева, былъ произведенъ обыскъ, который далъ улики въ томъ, что Черны-

Адмиралъ А. С. Шишковъ.

Маршалъ Бернадотъ.
Наслѣдный принцъ Швеціи.